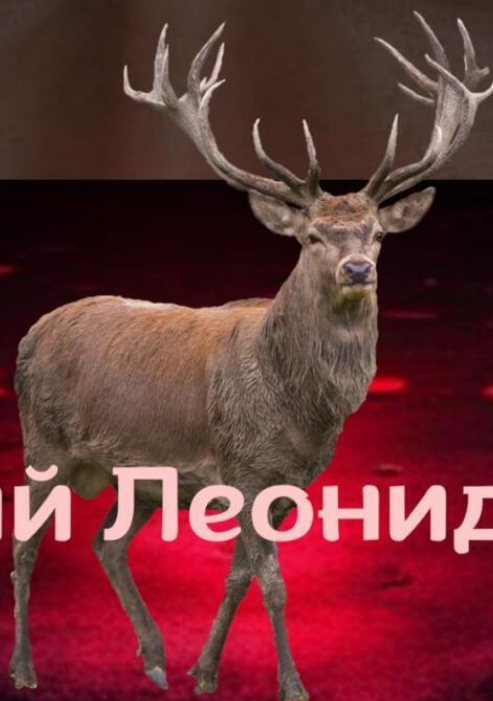

Пепел, кровь и виртуал

Дмитрий Леонидович

Пепельный виртуал

Дмитрий Леонидович

Пепел, кровь и виртуал

«Автор»

2023

Леонидович Д.

Пепел, кровь и виртуал / Д. Леонидович — «Автор»,
2023 — (Пепельный виртуал)

На глазах талантливого программиста, разрабатывающего виртуальные миры, убивают молодую девушку. Его задерживают. Чтобы сохранить свободу и жизнь, нужно найти настоящего убийцу и понять, зачем он совершил преступление.

© Леонидович Д., 2023

© Автор, 2023

Содержание

1. Подъезд	5
2. Глеб	10
3. Настя	13
4. Допрос	16
5. Когда твой парень в тюрьме	22
6. За кулисами игры	25
7. Дом, милый дом	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Дмитрий Леонидович Пепел, кровь и виртуал

1. Подъезд

«Приезжай ко мне сегодня», – написала Настя.

«ОК, уже еду», – ответил Глеб.

Дома его дела были закончены. Он оделся и вышел на улицу.

Давно стемнело. Порывистый ветер трепал мокрые голые ветки деревьев. Дорожки во дворе плотно заставлены автомобилями, люди уже вернулись с работы домой.

Парень поежился, сел в свою машину и поехал к подруге. Можно было бы и пешком дойти, жили они не так уж далеко, но слякоть долгим прогулкам не способствовала.

Несколько минут, и он припарковался во дворе Настиного дома.

Магнитный ключ у Глеба имелся, звонить в домофон он не стал.

Вошел в теплый подъезд. За его спиной лязгнула тяжелая дверь.

* * *

В подъезде Насти за входной дверью находится небольшой гулкий зал с высоким потолком. Из зала направо – дверь на лестницу. Чуть слева от входа – несколько шагов по полу, покрытому плиткой, и короткая широкая лесенка на площадку с лифтами.

На площадке стояла какая-то пара, крупный мужчина и стройная девушка.

Глеб начал подниматься.

Его глаза отреагировали на движение. Мужчина развернул девушку спиной к себе, лицом к Глебу. Они встретились глазами. Глаза были щедро накрашены. И на губах яркая помада. Девушка смотрела на Глеба, Глеб – на девушку.

Она улыбнулась и раздвинула края своей куртки. Под ней оказалось белое тело, в полупрозрачном белье с бордовым рисунком, черных чулках.

Мужчина приобнял девушку рукой за плечи.

В руке блеснул нож.

Нож!!!

Быстрое движение – и у девушки под ухом и челюстью появилась широкая глубокая рана, из которой потоком хлынула кровь.

Она еще не понимает, что ее убили. На лице – удивление: округлившиеся глаза, приоткрытый рот.

Еще миг – и уголки ее рта опускаются, а губы оттопыриваются, как у обиженного ребенка. Она поняла.

Убийца сильно толкнул жертву в спину. Тело слетает по лестнице прямо на Глеба.

Он отпихнул его в сторону. Нельзя, чтобы девушка повисла на нем, это ограничит подвижность. Она летит дальше, падает.

Мужчина с ножом в руке смотрит на него. Он смотрит на нож.

Убийца резко и небрежно махнул рукой. Глеб блокирует удар.

Тут же – мощный пинок в грудь. Тело парня отрывается от ступеней и летит в сторону входной двери.

Глеб жестко приземлился лопатками на плитки пола. Рефлекторно подогнул голову, затылком не ударился, но свет в глазах все равно на мгновение меркнет.

Смазанное движение спереди и чуть сбоку.

Подсознание перехватило управление телом. Рывком отполз в сторону и развернулся ногами к угрозе. Ноги подтянуты к туловищу, прикрывают пах. Если убийца приблизится, удар ботинком сломает ему голень.

Убийца не стал подходить. Вместо этого бросил на грудь Глеба нож. А потом просто удалился.

* * *

Лязгнула дверь. Ушел.

В крови плещется адреналин. Сознание работает рваными скачками.

Девушка еще жива. Она лежит совсем рядом, на боку, запрокинув голову к Глебу, и смотрит на него. Шевелит губами, пытается что-то сказать. Из раны пульсирует кровь. Вокруг растекается красная лужа. Из-под края куртки торчит колено. Черная кружевная резинка чулка, над ней – белая полоска нежной кожи бедра.

Герой американского боевика с криком «На помощь!» сорвал бы с себя вязаный шарф и стал прижимать его к ране, пытаясь остановить кровь.

Глеб не американец и не герой. Он не умеет останавливать кровотечение из сонной артерии, шарфом тут точно не поможешь. Зато он знает – шансов выжить у девушки нет. Сейчас она потеряет сознание. Через минуту – умрет. Еще через пару минут погибнет ее мозг и даже реанимация ей не поможет.

Раз спасти ее нельзя, надо просто вычеркнуть из списка задач.

Догнать убийцу? И что? Он крупный, сильный, тренированный. Судя по пинку ногой, он легко справится с Глебом и без ножа.

«Я жив только потому, что он не захотел меня убивать», – честно признал Глеб.

Нужно что-то делать.

Парень шевельнулся. Глянул на окровавленный нож, лежащий на его животе. Аккуратно, двумя пальцами, переложил его на пол.

Сел, опираясь спиной на стену. Она приятно холодила затылок.

Поджал ноги, чтобы они не попали в растекающуюся лужу крови.

«Зачем он это сделал?».

«Сейчас важно не это».

«Что делать?».

«Уже лучше».

«Что делать сейчас?».

«Это правильный вопрос».

Первое желание – уйти, чтобы не связываться с полицией. Но – нет. Нельзя. Так будет только хуже. В лифте стоит видекамера, если он поднимется к Насте, его срисуют. Если выйдет из дома – попадет на записи авторегистраторов. Он в любом случае на них попал, когда входил. Плюс геолокация его телефона. На его куртке осталась кровь жертвы. Нет, уходить нельзя.

Кроме прочего, без его показаний убийцу поймать будет сложнее.

«А если он не случайно сделал это именно передо мной?» – от этой мысли пробежал холодок по спине.

«Надо вызывать полицию».

Набрал номер. Вызвал.

* * *

Открылась дверь лифта. Какая-то дама с собачкой вышла, увидела труп в луже крови, Глеба, сидящего на полу. Нож рядом с ним. Завизжала.

Дура.

Визг отразился от стен и прокатился эхом по лестнице, по всем этажам.

Дама застучала ладонью по кнопке, спряталась обратно в лифт и уехала. По подъезду еще долго разносился лай испуганной болонки.

Открылась входная дверь. Вошли двое полицейских в форме. Парень и девушка. Патрульные.

– Вот, – махнул рукой на труп Глеб.

Парень схватился за пистолет.

– Это я вас вызвал, – успокоил его Глеб.

– Ага, – патрульные перестали дергаться. – Вы не ранены?

Глеб покачал головой. Полицейские проверили пульс жертвы и встали около тела, не зная, что делать дальше.

Опять приехал лифт. Вышла пожилая пара. Сначала испугались, но присутствие полиции их успокоило. Осторожно, отводя глаза, прошли мимо кровавой лужи к двери.

Открылась входная дверь. Приехал оперативник. Сунул патрульным раскрытое удостоверение, спросил, что тут. Те показали на Глеба. Труп в луже крови опер и без них заметил.

* * *

Опер был мужчиной лет сорока, с короткими усами. Наверное, без усов его лицо выглядело бы немного по-детски из-за маленького рта и узкого подбородка. А с усами – просто коренастый мужчина в расцвете сил, каких много.

Сначала он сделал на свой мобильник несколько снимков. Помещение общим планом, труп, рана крупно, нож. Когда снимал, рядом с уликами разложил карточки с номерками. Проверил карманы и сумочку девушки, нашел кошелек с деньгами и банковскими картами, телефон. Положил их в прозрачные пакеты для улик.

– Они стояли на краю площадки, в ближнем углу, там грязные следы должны остаться, – подсказал Глеб. – Мокро же на улице.

Оперативник поблагодарил за подсказку, нашел и сфотографировал следы, поставил патрульного сторожить это место, чтобы не затоптали до приезда криминалистов.

Когда закончил с уликами, подошел к Глебу.

– Оперативный сотрудник Васильев, – ткнул раскрытую книжечку.

У опера были широкие ладони с короткими толстыми пальцами. Наверное, сильными.

– Глеб Тарский, – парень поднялся с пола.

– Документы есть?

Показал права. Опер проверил, записал в блокноте данные.

– Рассказывайте.

Глеб все рассказал, как было. Заканчивая, на нож показал.

– Руками брал?

– Только в перчатках. Аккуратно. Вот, на куртке полоска крови – видно, что он на меня бросил нож. И еще след от ноги, – Глеб заметил грязь на куртке. – Наверное, и синяк будет.

– Угу... – пробормотал Васильев, повернул парня к свету, сделал снимки куртки и очередные пометки в блокноте. – Жертву или убийцу знал?

– Нет.

– Что тут делал?

– К подруге приехал.

Говорил опер напористо, голосом давил на Глеба, как будто подозревал его. Просто привычка, или действительно подозревал?

– Убийцу описать сможешь?

Глеб задумался. Попытался вспомнить.

– Я на его лицо почти не смотрел. Шапку помню, сиреневую, вязанную, мягкую, косичками сделана. Подбородок не видел, его ворот куртки закрывал. Глаза и нос вроде обычные, ничем не запомнились. Руку помню – в перчатке из коричневой мягкой кожи. Дорогая с виду. Куртка темная. Массивный, плечи широкие.

– Маловато...

- Как есть.
- Оpoznать сможешь?
- Вряд ли, – покачал головой.

Приехал криминалист, стал делать снимки и собирать улики.

Глеб по просьбе опера набрал номер Насти, попросил ее спуститься. Та подтвердила, что Глеб шел к ней.

- Можно идти уже?
- погоди, сейчас следователь приедет, – не отпустил парня Васильев.

Опер после разговора дал Насте и Глебу свои визитки, на случай, если чего важного вспомнят.

* * *

Новую порцию суеты вызвало прибытие следовательницы. Недовольная женщина лет под сорок, которая почти всё время смотрела не на собеседника, а в свои бумаги.

Она выслушала опера, долго заполняла протокол осмотра места преступления. Только потом подошла к Глебу.

- Почему подозреваемый без наручников? – начала она знакомство.
- Свидетель, – поправил ее опер.
- Это только с его слов он свидетель, а на самом деле кроме него других подозреваемых у нас пока нет. Задержать, доставить в отделение, куртку на экспертизу, с него взять пробы на наркологию.

– Чем я вам так не угодил? – удивился Глеб.

– Лицо у тебя слишком спокойное. Игрок?

– Возможно. А это запрещено? Могу штраф оплатить.

– Нет. Не запрещено. Административные нарушения меня не интересуют. Просто у вас иногда крышу сносит, начинаете путать игры и реальность. Так что – в наручники его и в КПЗ до утра. Утром вызовите психиатра, пусть даст заключение.

Опер пожал плечами и передал Глеба патрульным.

Те сковали ему руки, посадили на заднее сиденье своей машины, за решетку.

Настя при виде наручников на своем парне испугалась, на глазах показались слезы. Стояла, смотрела, как его увозят. Полицейская машина давно уехала, а страх у нее в груди никак не рассасывался.

* * *

В отделении оформили задержание, забрали на экспертизу куртку, сделали фото синяка на груди. Отвели в туалет – пописать в баночку для анализов. Под опись приняли кошелек и телефон. Глеб послушно выполнял требования полицейского. Так было проще. Он после убийства еще был в шоке и думать самостоятельно не хотелось.

Когда все процедуры закончили, дежурный запер нового задержанного в обезьянник.

Наедине с собой Глеб начал приходить в себя. Огляделся.

Камера КПЗ оказалась крошечной комнатухой, в которой переднюю стену заменяла решетка. Размером – метр на метр, вряд ли больше. Вдоль задней стены шла широкая жесткая скамья.

В помещении пахло грязными носками и перегаром.

За стеной, в такой же комнатухе, храпели двое пьяных. В камере по другую сторону сидел старик в очень грязной рваной одежде, с синяком на половину лица.

На ближайшие часы эта камера станет пристанищем Глеба.

«Ночь не задалась», – вздохнул он.

«А вдруг реально посадят?» – пугливо выглянула мысль.

«Да не. Не должны», – передернул плечами.

Поерзал в поисках удобной позы и задремал сидя.

Мешал голод. Он собирался поужинать у Насти, но до нее так и не дошел. А сейчас уже почти ночь.

Помучившись в неудобной позе с полчаса, Глеб улегся на скамью, поджал ноги, чтобы поместиться на ней, и заснул. Усталость и переживания взяли свое.

А ведь всего несколько часов назад у него была обычная спокойная жизнь... Может, и не совсем обычная, и не самая спокойная, но без поножовщины в подъездах.

2. Глеб

Я – олень.

Если я опускаю морду, вижу свои тонкие жилистые ноги с копытами. Если качаю головой, чувствую тяжесть рогов. Если поворачиваюсь – вижу круп и короткий пушистый хвост. А еще я могу облизать себе нос.

Какого хрена?

Я же хотел стать тигром.

Но я – олень...

Быть оленем не так уж плохо. Можно гулять по лесу и щипать траву. Можно быстро, очень быстро, бегать. Можно раз в году поучаствовать в соревновании за право жениться. Если хватит сил и упорства – получится собрать целый гарем. Ненадолго, правда, но может это и к лучшему.

Жить оленем не так уж плохо. Есть только один крупный минус у такой жизни – ни один олень в природе не умирает от старости, дома, в постели, в окружении любящих внуков. Оленя рано или поздно кто-нибудь сожрет.

И прямо сейчас кто-то хочет сожрать меня. А быть сожранным – это больно. Особенно если заживо. Я знаю.

Поднимаю голову и оглядываюсь. В принципе, можно головой особо и не вертеть – обзор и так почти на триста шестьдесят градусов. Но картинка получается не слишком четкой – как будто всё вокруг видишь боковым зрением. Заметны движущиеся предметы, общие очертания деревьев и кустов, вот и всё. Цвета тусклые, четкость отсутствует, как ни вглядывайся, и объемности у картинки нет. Точнее есть, но только в узкой полосе прямо перед носом.

Похоже, я в тайге.

Кто у нас в тайге жрет оленей? Волки. Тигры. Медведи.

Сейчас, к счастью, лето. Волки бегают поодиночке и питаются мышами. Медведи жиреют на растительной пище. Значит, бояться нужно только тигров.

Иду вперед. Вокруг деревья, кусты. То тут, то там лежат наискосок, застряв верхушками в кронах соседей, упавшие трухлявые стволы, с которых свисают растрепанные пряди мха. Видимость – метров на двадцать, не больше.

Тигр обычно нападает сзади. Подкрадывается метров на тридцать, потом резкий рывок. Долго гнаться он не может, выносливости не хватает, метров сто, сто пятьдесят, потом бросает несговорчивую добычу. Кстати, заметить тигра вовремя не так уж просто – это для человека он яркий, а олени не различают рыжий цвет, для них он серый.

Впереди пахнет водой. Хорошо. Попить – это приятно.

Тихое журчание. Ручеек.

Оглядываюсь. Вроде спокойно. Опускаю морду в прохладную воду. Испуганная лягушка отпрыгивает в сторону. Лакаю. Вода прохладная, чистая, совсем не пахнет болотом.

Бреду через ручей, он мне по колено. Выбираюсь на берег. Иду дальше по лесу.

Слишком всё спокойно.

Слишком долго всё спокойно.

Настораживаю уши. Вдруг где-то поблизости под тяжелой лапой треснет ветка?

Нет, тишина...

Резко поворачиваю голову.

Попался!

Тигр. Стоит, красавец, замер. Шел за мной по следу, высунулся из-за куста, лапу поднял, чтобы шаг сделать, так и застыл с поднятой. Надеется, раз он неподвижный, я его не замечу. А я – заметил!

Срываюсь в бег. Тигр – за мной. У него стартовый рывок мощный, но я успеваю набрать скорость.

Мчусь вперед изо всех сил. Ветер ворошит шерсть на груди и шее, шумит в ушах. Мое тело радуется скорости. Мчусь.

Сколько я пробежал? Метров двести есть? Больше? Шелеста кустов сзади не слышно. Специально пробегаю через заросли, сбивая рогами мелкие ветки. Нет, преследования точно не слышно. Оглядываюсь. Отстал хищник. Можно отдышаться.

Всё.

* * *

Сработал дозатор. В кровь поступила химия, которая прекращает действие «пепла», галлюциногена, создающего эффект полного погружения.

Теперь он – снова человек. Он сидит в кресле. На голове – очки с видеообъективами. На ушах – наушники. На руках и ногах – фиксаторы и сенсорные манжеты, считывающие сокращения мышц. Во рту – загубник дозатора.

Сердце еще колотится в груди. В крови гуляет убойная доза адреналина. Он побывал на волосок от смерти и выжил.

Глеб сбросил дозатор и бинокляры, откинулся на спинку и захохотал.

Скоро эмоции схлынули, смех прекратился. Осталось только хорошее настроение и ощущение победы.

Программист перевел дыхание. Футболка – мокрая от пота. Сессия в роли оленя вызвала гораздо больше напряжения и эмоций, чем в роли хищника. Потрясающе!

Конечно, всё это было слегка незаконно. И применение «пепла» для эффекта полного погружения незаконно, и создание новых миров и персонажей, предполагающих полное погружение. Но это мелкие и трудно доказуемые грешки.

Зато такие чистые яркие эмоции! Игроки за них будут отлично платить.

* * *

Глеб отстегнул манжеты, пододвинулся ближе к столу.

Свернул на мониторе экран своего виртуального мира.

Под ним, на новостной странице мессенджера, открылась фотография маленькой девочки, которая нагло улыбалась в объектив. Здоровая, веселая, красивая. Видно, привыкла, что ее все любят и балуют. Заголовок рядом: «Еще один ребенок пропал».

Глеб пробежал взглядом новость.

«Родители боятся. В городе действует серийный маньяк. Полиция бездействует».

Просмотрел личные сообщения. Потом остальные заголовки новостей. Ничего важного.

* * *

Жилище у Глеба скромное. Он снимает однокомнатную квартиру в спальном районе. Линолеум в коридоре выглядит потертым. На стенах – обои, с виду модные, но дешевые и ненатуральные, кое-где края отклеились. Мебель старая. Вдоль одной стены идут шкафы, у второй стоит широкий диван-кровать, всегда разложенный. Глеб даже постель обычно не застилает, потому что незачем, гостей он сюда не водит.

У окна стоит самое важное – стол с большим монитором. Рядом с ним – удобное рабочее кресло, кожаное, а сбоку от него – маленький столик с разложенными игровыми гаджетами. Сенсорные манжеты, загубник дозатора, биноклярные очки. Столы и кресло явно более дорогие, чем остальная мебель, мышка и клавиатура – профессиональные, а компьютер собран под индивидуальные запросы.

При выборе жилья Глеб больше внимания обращал не на размеры и отделку помещения, а на его расположение: ему хотелось поселиться недалеко от Насти, чтобы не тратить много времени на дорогу. Вот Настя сняла себе квартиру уютную, после ремонта, с хорошей мебелью,

с большой кухней. А Глебу все эти мелочи не важны. Кровать удобная, есть хороший интернет, расположена квартира не на первом этаже. Остальное не принципиально.

Парень отправился в душ. Там струи воды быстро смыли остатки напряжения и пот.

Теплый поток струился по лицу и щекотал губы.

Глеб стоял, прикрыв глаза, пытался разобраться, где ошибка. Он выбирал тигра, а попал в оленя. Не в тигра с оленьим телом, не в тигра с рогами, а в полноценного оленя. Ошибка на самом верхнем уровне, найти будет несложно.

Со входом под «пеплом» он, конечно, поторопился, софт надо еще отлаживать. Но получилось неожиданно интересно.

* * *

После душа Глеб ненадолго вернулся к компьютеру. Ошибка нашлась, он ее исправил, еще раз всё проверил.

Тестировать в режиме полного присутствия не стал, потом. На сегодня работа закончена.

Сохранил исходные файлы с кодом на своем облачном диске.

Запустил утилиту, которая чистила локальный диск от остатков временных файлов. Без возможности восстановления. Это привычка. Даже своим коллегам он передавал только рабочее, откомпилированные, файлы, а исходный код всегда хранил в облаке. А домашний компьютер, когда Глеб не работал на нем, всегда был чист, как попка младенца сразу после мытья.

Пришло сообщение от Насти...

3. Настя

Настя закрыла вкладки со статистикой. Поговорила по «массажеру» с дежурным администратором, потом – с модератором.

Пришел вызов от Артема. В крупной компании его должность называлась бы «руководитель службы поддержки», но сейчас он числился просто администратором форума для игроков.

– Настя, нам надо обсудить одну тему. На наши серверы приходит всё больше иностранцев. После легализации «пепла» в Европе они идут волной. Спрос на игры с полным погружением там резко, на порядки, растет. Часть этого потока заносит к нам. Нам нужны люди со свободным владением английским и основными европейскими языками. И чем дальше, тем таких людей нужно будет больше.

– А какие миры их интересуют?

– В наших боевых мирах они пока только в кучки собираются, а в «Игривых фантазиях» чешские проститутки уже вовсю бабло зарабатывают. Их там уже больше, чем наших.

– Ну, давай примерный прогноз по количеству людей, с каким языком сколько надо. Количество игроков из разных стран укажи. Будем думать. Чешского не обещаю, сразу говорю, пусть русский учат. А английский и немецкий точно сделаем.

Попрощались.

Девушка открыла графики загрузки серверов. Полюбовалась недолго, как кривая количества подключений поползла вверх. Начинался очередной вечер. Обычный спокойный вечер. Игроки возвращались домой после рабочего дня и входили в любимые игровые миры.

* * *

«Массажер» заквакал сигналом входящего видеовызова. Мать стучится.

Настя кликнула на «Принять».

Мама выглядела встрепанной. Иногда на нее находила гиперактивность. Она давно не работала, сидела дома, скучала. От скуки придумывала себе какую-нибудь идею и тут же начинала вываливать ее на тех, кто попался под руку.

В этот раз она заговорила о Глебе:

– Я не понимаю ваших отношений. Вы давно вместе, но даже съехаться вместе не хотите.

Глеб матери не нравился.

– Ма, мы сами разберемся. Мы по работе много общаемся, если еще и жить вместе станем, совсем личного пространства не останется.

– Я вообще не понимаю, он любить умеет? Он какой-то бесчувственный, – мать ее не слушала.

Ей не нужен был собеседник, ей нужен был слушатель, чтобы побыстрее вывалить свои мысли.

– Ма, он не бесчувственный, просто не показывает эмоций.

Раньше Глеб таким не был. Был открытым, то, что он чувствует, всегда легко читалось на его лице. В последние годы он много времени провел, тестируя свои разработки, в том числе и под «пеплом», с эффектом полного погружения. Тысячи раз погибал в вирте, а сколько раз испытывал боль – можно только догадываться. Конечно, это не могло не наложить отпечатка на его поведение и психику. По сути, у него посттравматический синдром, как у людей, прошедших войну. Хотя его самого это несколько не тревожит. Он просто так живет.

– Наркоман он!

– «Пепел» – не наркотик. К нему нет привыкания. Я тебе сто раз уже говорила.

– Полиции это скажи.

– В Европе его уже легализовали, – вздохнула Настя. – И у нас скоро легализуют.

Мать несколько лет назад, на фоне развода и неудачной беременности, попала в депрессию. Крепко подседала на лекарства, потом долго и болезненно восстанавливалась. Любые наркотики теперь ее пугали, были абсолютным злом. Хотя это не мешало ей принимать антидепрессанты.

– Ты могла бы найти себе нормального мужчину, который женится на тебе, детей завести. Время идет, ты не становишься моложе.

– Ма, мы это уже много раз обсуждали. Хватит. Может, ты забыла: если бы не Глеб, ты бы сейчас в психушке была, а я – на панели.

Когда мать заболела, Настя не сразу это поняла. У нее тогда была романтика, учеба, новые увлечения. Мать тяжело переживала развод и выкидыш, это же нормально?

Тогда «пепел» только появился. До него был «уголек». Он тоже давал эффект погружения, но под ним человек должен был двигаться в реальности. Для этого требовались сложные гироскопические подвесы, шлемы и костюмы, которые по карману были только богатым. А потом появился «пепел». Это двухкомпонентная смесь, кроме галлюциногена она содержит мышечный релаксант. Человеку достаточно закрепить руки-ноги-голову мягкими фиксаторами, а вместо дорогих подвесов использовать набор манжет, считывающих напряжения основных мышц. Дешево, доступно, удобно.

После такого нововведения количество игроков в мире начало расти по экспоненте.

Именно тогда Глеб и придумал новый подход к созданию персонажей. Он сделал софт, который анализировал по видеозаписям действия реальных людей, прогонял данные через нейросеть, обучал ее, в результате получались персонажи, которые очень достоверно двигались. Любой игрок мог не только почувствовать себя в теле спортсмена, но и тренировать координацию движений в условиях, близких к реальным. Хотите сражаться в теле мастера боевых искусств? Или побегать по крышам в теле профессионального паркурщика? Это возможно.

Сначала это была однопользовательская игрушка. Потом они запустили доступ к игровому миру в студенческой сети института, бесплатно.

А потом, как раз когда Настя узнала, что у ее матери всё очень плохо, их проект стал коммерческим. Деньги тогда они зарабатывали совсем небольшие, но именно они помогли выплыть, вылечить мать и закончить институт. Лекарства, уход за больной, процедуры реабилитации – всё это оказалось недешево. Было трудно, но они справились.

* * *

Девушка откинулась на спинку кресла. Стол, монитор, кресло у нее стояли такие же, как у Глеба, он покупал одновременно и себе, и ей. А вот игровыми гаджетами она почти не пользовалась. Иногда заходила в какой-нибудь из новых миров, чтобы своими глазами глянуть, что их компания продает пользователям. Желания жить в виртуальном мире у нее не возникало. Зачем? Ей и в реальности интересно.

После звонка матери Настя чувствовала себя опустошенной. Общение с ней частенько оставляло тяжелый осадок.

Но в чем-то она права. Отношения в последние годы действительно забуксовали, замерли в одной точке. Два года назад у них появились деньги на то, чтобы уйти от родителей и снимать квартиры. С тех пор ничего не менялось. Работа, общение, совместные развлечения. Пару раз в неделю Глеб приезжал к ней и оставался на ночь. Потом возвращался к себе. Так было удобно.

И он никогда не говорил ей, что любит ее.

«Если ничего не делать, то ничего и не изменится», – признала девушка.

Зачем что-то менять, если Глеб устраивает такое положение? И ее устраивает, если честно. Но она не становится моложе, тут мать совершенно права.

«Надо бы об этом поговорить», – решила девушка.

И отправила Глебу сообщение, чтобы приезжал.

«ОК, уже еду», – почти сразу ответил он.

Но задержался, а потом позвонил и сказал об убийстве...

4. Допрос

Утро наступило. В подвале, где располагался КПЗ, окон не было, так что о его приходе сообщил дежурный. Начало дня не принесло с собой радости, но хотя бы завершило почти бессонную ночь, от которой осталась тяжесть в голове и ноющая боль в спине.

Дежурный отвел в туалет, потом принес завтрак.

После начала рабочего дня Глеба отвели на разговор с психиатром.

Беседа проходила в маленькой неуютной комнате для допросов. Без окон. С голыми стенами. С непрозрачным стеклом в стене напротив места обвиняемого. С металлическим столом, на котором закреплено кольцо для пристегивания наручников. С намертво прикрученными к полу железными стульями.

Глеба пристегнули наручниками к столу. Ему это показалось не очень хорошим началом. Знакомство с полицией вообще пока не давало оснований для оптимизма. Конечно, можно было считать наручники обычной предосторожностью, но по факту относились к нему, как к опасному преступнику. Это оскорбляло и пугало. Глеб даже начал задумываться, что сбежать с места преступления было не такой уж и плохой идеей.

Сама беседа оказалось даже интересной. Может, просто потому, что после ночи в тесной камере любая смена обстановки интересна.

Вальяжный мужчина-психолог попросил рассказать о событиях прошлого вечера, задавал много уточняющих вопросов, потом зачем-то потребовал пересказать события в обратном порядке.

Провели несколько тестов.

Глебу пришлось ответить на вопросы длинной анкеты.

Психолог давал картинки, просил выстраивать их в последовательность и объяснять, что за история на них изображена.

Цветные кляксы показывал, много, несколько десятков. Пришлось напрячь фантазию и хоть что-то в этих кляксах рассмотреть. Интересно, какую информацию можно извлечь из ответа «Две розовые гусеницы ползут на Эйфелеву башню»?

Вроде разговор прошел нормально, хотя ручаться Глеб не стал бы.

Психологи – они люди загадочные, никогда не знаешь, что он о тебе хочет узнать и какой вывод сделал. Вопросы задает вроде простые, но обрабатывает ответы совершенно непонятным образом. Спросит: «Не худел ли в последнее время?», ответишь «да», решит, что у тебя стресс. Ответишь «толстел», тоже решит, что у тебя стресс. Ответишь «нет», решит, что твоя жизнь скучна, и ты склонен к депрессии. Не ответишь, решит, что ты псих. И в любом случае он будет тебе улыбаться улыбкой мудрого доброго дядюшки.

* * *

После психиатра Глеба еще час промариновали в камере, потом вызвали на допрос к следовательнице. Всё в ту же допросную комнату, с пристегиванием наручника к столу.

Глеб надеялся, он расскажет под протокол, как всё было, и на этом его роль закончится, можно будет ехать домой. Ошибался.

Начало допроса оказалось для него неожиданным.

– Вы знакомы с жертвой?

– Нет.

– Уточняю вопрос. По заключению эксперта жертва, по всей видимости, занималась проституцией. Вы имели с ней дело, как с проституткой?

– Нет, я никогда не пользовался услугами проституток.

– Ладно... – женщина хмыкнула, вздохнула и сделала пометки на бланке протокола.

Потом покопалась в бумагах и вытащила очередной лист.

– По заключению психиатра ваши показания не являются бредом, – она произнесла это так, как будто обвиняла.

– Это радует.

– Но это еще не значит, что они – правда. Психиатр отмечает проблемы с эмоциональной стороной вашей психики, вероятные трудности в общении с людьми.

– И что?

– Вы могли, например, поссориться, сорваться и убить жертву. Если это так, вам лучше дать чистосердечное признание. Это существенно уменьшит ваш срок.

– У меня никогда не было нервных срывов. Я не убивал ту девушку. И что вы скажете о наличии на месте преступления другого мужчины?

Следовательница загрустила. Она была оскорблена в лучших чувствах – предлагала обвиняемому выгодную сделку, а он не оценил.

– Ладно, пойдем длинным путем. Расскажите еще раз, под протокол, как по вашей версии всё произошло.

Глеб повторил рассказ. Следовательница записала.

– Как вы объясните, почему убийца стал действовать, только когда появились вы? Почему он не стал убивать в безлюдном месте, без свидетелей?

Глеб пожал плечами:

– Откуда я знаю, может он сексуальный маньяк, который убивает только при свидетелях?

Следовательница от возмущения хлопнула ладонью по столу:

– Хватит нести чушь! Я почти двадцать лет в следственном, и знаете сколько психопатов-маньяков за это время я посадила? Ни одного! А знаете сколько раз вела дела о проститутках, убитых обдолбанными клиентами, или о наркоманах, которые порезали кого-то во время ломки?

Глеб удивился такой бурной реакции. До этого у него сложилось впечатление, что следовательнице безразличны и он, и жертва, и убийца, с виду она была холоднее мороженой рыбы. И вдруг такая вспышка.

– Я не наркоман.

– Экспертиза показала наличие у вас в моче отработанного «пепла» в большом количестве. Вы не просто его употребляли недавно, вы делаете это регулярно.

– Отработанный «пепел» не влияет на сознание. Если бы это было иначе, я бы знал. А если бы «пепел» был активен в крови на момент встречи с жертвой, я бы даже стоять самостоятельно не смог из-за действия релаксанта.

Следовательница устало отмахнулась. Она разбираться в сортах психотропных средств не считала нужным.

Продолжила:

– Психопатов-маньяков оставьте сценаристам сериалов. У проститутки в тысячу раз больше возможностей погибнуть от рук клиента или сутенера, чем стать жертвой Джека Потрошителя.

Глеб развел руками:

– От меня вы что хотите? С какой радости мне убивать незнакомую проститутку?

Следовательница расслабилась, улыбнулась даже.

– О, я вам за три минуты накидаю десяток версий. Например: вы занимались с ней сексом, она решила вас шантажировать, подстерегла в подъезде вашей подруги, вы испугались огласки и убили ее. Или вот: вы вызывали ее на тройничок с подругой, та не захотела, прогнала, вы не заплатили, они с сутенером пришли выбивать из вас деньги, вы психанули, девушку зарезали, сутенер пнул вас и сбежал. Или еще проще: вы не успели после игры выйти из образа героя с мечом и магией, а тут она на вас косо посмотрела, неудачно пошутила в ответ на ваш подкат, вы сорвались, вскрыли ей горло. Продолжать?

– Версии занимательные. Вы способны доказать хоть одну? У нас вроде презумпция невиновности действует.

– Докажем. Обязательно докажем.

На этом допрос закончился. Глеба отвели обратно в обезьянник.

* * *

В кабинете следовательницы было много бумаг. На полках шкафа, на столе, на подоконнике. Среди папок и стопок листов затесались несколько книг – кодексы, комментарии к ним, книги по праву.

– Олег, ты далеко? Зайди ко мне, – по телефону позвала опера Ирина.

Васильев зашел в кабинет следовательницы.

– Что скажешь по поводу вчерашнего убийства?

– Пока ничего нового. Поквартирный обход ничего не дал.

– Чай будешь?

– Чай? Чай буду. С печеньками?

– А как же, – следовательница достала из тумбочки вазочку с печеньем. – Как тебе этот парень, Тарский?

Оперативник пожал плечами.

– Странноватый, но вроде не агрессивный. Не злой.

– Мы его взяли над трупом с орудием убийства.

– Он сам вызвал полицию.

– Может, следствие запутать хотел. Главное – над трупом с окровавленным ножом был именно он. Если мы найдем мотив или дополнительные косвенные доказательства, для суда этого будет достаточно.

– А если он правду говорит? И это действительно маньяк какой-то, желающий при свидетелях убивать?

– Олег, хоть ты не мели ерунды. Тебе что, в телевизор попасть хочется? Какой маньяк? У нас и так дети пропадают, одновременно два психопата с разным почерком – это слишком. К тому же, если уж верить в версию маньяка, проще принять, что сам Тарский и есть маньяк.

Оперативник промолчал. Потом возразил более вяло:

– Убийца вскрыл сонную артерию. Это не так уж просто, дилетант не сумеет. Надо не только быть физически сильным, но и знать, где резать, на какую глубину.

– Может, он в своих играх научился? Говорят, там всё как в реальности. Поработай с подозреваемым. Выясни, чем он живет, как зарабатывает, с кем спит. Poiщи мотив.

– Сделаю.

Чай допили в молчании. После десяти лет совместной работы разговаривать уже не обязательно.

* * *

Васильев для начала переговорил с психиатром. Пришлось съездить к нему на основное место работы, в клинику.

– Вы написали в отчете, что у парня проблемы в эмоциональной сфере. Но это сейчас можно сказать о каждом втором человеке.

– В целом согласен, да. Но у Тарского проблема выражена сильнее, чем у большинства парней его поколения. Они обычно просто инфантильные, а этот похож на подземный ядерный взрыв. Сверху все спокойно, а внутри давление, которое никак не рассосется, потому что его не выпускают наружу.

– Думаете, он способен на убийство?

– Олег Станиславович, на убийство способны почти все, при тех или иных обстоятельствах. Вопрос нужно ставить иначе. Способен ли он на такое убийство?

Вот вы без колебания пустите в ход оружие против опасного преступника. Кто-то может убить собутыльника кухонным ножом в пьяной ссоре или поймав белочку. Кто-то забьет насмерть любимую жену на почве ревности. Кто-то может продумать и устроить сложное и хорошо спланированное убийство ради денег, если будет уверен в своей безнаказанности. Кто-то подсыплет яд в чай неверному любовнику.

Способен ли Тарский убить? Да. Станет ли он ножом вскрывать горло проститутке в подъезде своей девушки? Не знаю. Чтобы понять это, надо знать мотив.

– Психический срыв?

– Сомнительно. Он держит себя в руках, его психика достаточно стабильна. Никаких признаков прошедшего срыва я не нашел. Он даже слишком спокоен для человека, на глазах которого убили девушку и могли убить его самого.

– Продуманное хладнокровное убийство?

– Это возможно. Но в вашем случае – какое же это продуманное убийство, если он завалял девушку в подъезде своей подруги? Что, лучшего места не мог найти? Он мог бы отреагировать на ситуацию, в том числе хладнокровно принять решение об убийстве, как наилучшем для него выходе. Он, по сути, социопат, эмоции или морально-этические ограничения ему не помешали бы. Другой вопрос – для хладнокровного убийства нужен мотив. Вы его не знаете. Я его не знаю. Никто не знает. Без мотива адвокаты размажут обвинение тонким слоем, и будут совершенно правы.

– Но чтобы так убить, нужно было иметь нож. Что говорит о подготовке.

– Или о привычке носить нож.

– Ну, и это вариант. Хотя нож без ножен носить неудобно, а у него их не нашли. Но допустим. А в ответ на что он мог принять решение об убийстве?

– При какой-то неожиданной угрозе. Угрозе чему-то очень важному для него.

– Шантаж это мог бы быть? Угроза рассказать подруге об измене?

– Сомневаюсь. Если шантаж, то чем-то более серьезным. Измена – это из области нравственности, для него такие вещи не имеют большого значения. Он не испугался бы настолько, чтобы убить. Скорее, пошел бы к подруге и сам ей признался, чтобы минимизировать ущерб. Она бы обиделась, конечно, но простила бы его. Почти все прощают.

Разговор с психиатром определенности Васильеву не дал. Скорее, позволил выявить несоответствия и задуматься над ними.

Несоответствия имелись. Одно большое и толстое несоответствие. Единственный вариант, который не противоречил мнению психиатра – это спонтанное хладнокровное убийство, как реакция на неожиданно возникшую угрозу. Но тогда нужно, во-первых, понять, что это была за угроза, во-вторых – доказать, что нож принадлежал Тарскому, и он его носил с собой постоянно. Иначе картина не складывалась.

* * *

Часа через два после допроса у следовательницы к Глебу пришел опер, Васильев. Отвел к себе в кабинет на разговор. Тут было намного уютнее, чем в допросной. Столы завалены бумагами, видно, что люди трудятся, просто сейчас разъехались по делам. Один парень за компьютером чем-то занят. На подоконнике стоят чашки и заварка в стеклянном чайнике, судя по цвету и виду листьев – китайский улун, такой же Настя любит.

Опер общался доброжелательно, видно было, что он скорее верит Глебу, чем нет. А может, он и с маньяками доброжелательно говорит, профессиональная фишка такая.

– Обедом покормили?

– Да. Суп был неплох. Второе – невкусное, но съедобное. На третье – компот без ничего.

– Кофе с печеньем будешь?

– Лучше чай.

Васильев принес кипяток. За чаем начал задавать вопросы.

– Ирина Федоровна считает, что два маньяка с разными почерками в городе – это перебор. А если это не маньяк, значит ему был нужен не просто свидетель, а именно ты.

Глеб не сдержался:

– Ирина Федоровна? Мне показалось, ей вообще плевать и на меня, и на то, кто убил. Лишь бы дело закрыть. Она вообще не смотрит на живого человека, больше в бумагах копается.

– Вот это ты зря. Она хороший специалист. У нее работа такая – копаться в бумагах. Если что-то оформлено – оно объективно существует и может быть представлено суду. А если нет – это просто домыслы. А на людей ей смотреть не хочется, потому что тошно. Нам, оперативникам, проще, мы всей картины не видим. Приехал на труп, собрал информацию, передал следователю и выбросил из головы. Завтра – уже другой труп. А она выбросить из головы не может, ей с этим трупом приходится жить, пока дело не закроет.

Васильев с удовольствием прожевал печенье и продолжил:

– Потом, я вот общаюсь с людьми. Со свидетелями, подозреваемыми, родственниками, жертвами. С десятком людей пообщаюсь, и все они выглядят неплохими. Если копнуть глубже, грешки есть почти у каждого, но мелкие. А один из этого десятка оказывается преступником. Для меня это один из десятка, а на допросы к следователю хорошие люди редко попадают, чаще именно преступники. Столько дерьма при этом всплывает, удивительно даже. Поэтому Ирина Федоровна от людей протоколами закрывается, так ей легче.

Пока опер говорил, Глеб в пару укусов сгрыз первую печеньку и принялся за вторую. Печенье было простым, но вкусным. Свежим, мягким, рассыпчатым. Творожным. В меню завтрака и обеда никакого десерта не было, теперь сладкое с чаем шло отлично. Тюрьма тюрьмой, а молодому организму требуется энергия.

– Ей может и легче, а мне? Почему она не рассматривает вариант, что я говорю правду?

Опер пожал плечами.

– Она профессионал, она все варианты рассмотрит. Пока других подозреваемых под рукой нет, работает с тобой. Пытается доказать, что это ты убил. Если натянуть сову на глобус не удастся, начнет меня подгонять, чтобы я нашел более перспективного кандидата в обвиняемые. Когда я ей принесу информацию о другом возможном убийце, она на него переключится.

– И что, есть перспективы?

– А как же! Перспективы всегда есть. Я вот сейчас с тобой закончу, начну копать окружение жертвы. А пока, давай разбираться, почему именно ты попал в эту историю.

Васильев стал задавать вопросы о возможных недоброжелателях.

Явных недоброжелателей Глеб не вспомнил, ни одного. Откуда у него враги, если он мало с кем общается и никого обидеть не мог?

– Проблемы с девушкой? Обиженная бывшая? Ревнивые соперники?

– Встречаюсь с Настей, уже несколько лет, проблем нет, никаких ревнивых парней у нее давно нет, ни бывших, ни новых.

– Что, и не изменял ей никогда?

– Нет. Мне другие девушки неинтересны.

– Не верю. Что, совсем не бывает, чтобы кто-то нравился?

– Бывает, нравятся. Но если я с кем-то перепихнусь, тогда или Настя узнает и обидится, или придется потом ей врать. В любом случае в наших отношениях появится трещина. Оно того не стоит. Да и какой смысл искать приключения на свою задницу, если всё, что мне нужно, я могу получить от Насти?

– Неожиданно встретить такое здравомыслие в молодом парне. Ладно, значит, секс пока вычеркиваем. А что с доходами и имуществом?

– Я один из учредителей компании, которой принадлежат игровые серверы. Доходы она дает, но не настолько большие, чтобы ради них убивали. Настя директор этой компании.

– Тоже учредитель?

– Нет, она нет. Я ей предлагал, но ей тогда нужны были деньги, не могла ждать, пока бизнес раскрутится и начнет давать прибыль. Попросила просто платить ей зарплату. Второй учредитель – Роман Кислецов. Когда мы начинали, он дал деньги на покупку нашего первого сервера и на раскрутку деятельности, а я вложился своими разработками и наработанной базой игроков. У нас с ним равные доли, по пятьдесят процентов.

– Ага! – оперативник записал в свой блокнот очередную порцию сведений. – А что у этого Романа Кислецова с доходами? Денег не просил недавно? Может, проигрался в казино? Или кредит не может вернуть?

– Не, – отмахнулся Глеб. – У Ромки с деньгами всё в порядке. И машина у него недешевая, и квартиру новую купил недавно. Он давно уже человек небедный, намного богаче меня. Потому у него и деньги на сервер я просил.

– А чем он зарабатывает?

Глеб запнулся.

– А вот об этом вы у него спрашивайте. Я в его дела не лезу. А он не лезет в дела нашей компании.

В целом, поговорили с опером неплохо. Прощались почти по-дружески.

Внешнее дружелюбие не обманывало Глеба – если следовательница решит, что доказательств против него достаточно, Васильев грудью на амбразуру за него бросаться не станет. Просто выкинет из головы и будет жить дальше.

* * *

Скоро пришел лысоватый мужчина, упакованный в костюм-тройку и галстук, с дорогим кожаным портфелем. Представился адвокатом. Показал бумажку с печатями. Глеба освободили под подписку о невыезде.

Он вышел из «обезьянника» с радостью. Оказывается, «воздух свободы» – это когда не пахнет грязными носками и перегаром.

5. Когда твой парень в тюрьме

Тем вечером Глеб задержался, Настя начала волноваться. Ему ехать всего минут десять. Вдруг звонок. Убийство. Он свидетель. Полиция просит спуститься, подтвердить, что он приехал к ней.

Спустилась. Думала – подтвердит и пойдут наверх, ужинать. Вместо этого еще минут двадцать ждали, а потом Глеба задержали.

«Вдруг его посадят?» – застыла Настя, глядя на удаляющиеся задние фонари полицейской машины.

В районе желудка появился давящий комок, почти незаметный, но никуда не исчезающий. Ее мужчину увозили в темноту. Она осталась одна.

* * *

Какое-то время девушка не находила себе места в пустой квартире.

Обычно, когда ей нужен был совет или помощь, она всегда в первую очередь обращалась к Глебу. А теперь он сам нуждается в помощи.

Позвонить матери? Бесполезно.

Родителям Глеба? Нет, если бы он хотел, чтобы она им позвонила, сказал бы.

Не так уж много, оказывается, есть людей, к которым можно обратиться в случае неприятностей. Разве что Рома.

Набрала его номер. Рассказала, что произошло.

– Ты главное, не волнуйся. Ты как думаешь, это он убил?

– Да ты что!

– Ну, мало ли... Ситуации всякие бывают. Ладно. У меня есть знакомый адвокат по уголовным делам, я с ним свяжусь, он вытащит Глеба из КПЗ, а потом поможет защищаться в суде.

– Может, я могу еще что-то сделать?

– Не, не надо ничего. Пусть профессионал работает. Ты не волнуйся. Что бы ни случилось, я тебе помогу. Хочешь, сейчас к тебе приеду?

Настя задумалась. Если бы это было днем, может и пригласила бы, чтобы не одной переживать. Но сейчас уже почти ночь. Двусмысленно как-то это.

– Нет, не надо. Я лучше спать лягу.

Действительно легла.

Долго ворочалась. В мозгу метались мысли:

«Вдруг Глеба посадят?».

«Надо сделать всё, чтобы не посадили. Но что именно?».

«А вдруг он действительно виноват?».

«Даже если виноват».

«А вдруг он маньяк? В смысле – психически больной?».

«Серьезно? Ну, тогда надо сделать всё, чтобы вылечить. Мать вылечили, и Глеба вылечат. Хотя это ужасно долго и сложно».

Заснуть Насте удалось только под утро.

* * *

Утром с ней связался оперативник из полиции, Васильев. Попросил встретиться ненадолго. Скоро подъехал.

Настя его кофе угостила.

– В последнее время Глеб вел себя как обычно? Не волновался, не говорил о проблемах?

– Абсолютно обычно. Он новый проект заканчивает, но там до коммерческого использования еще далеко, он его даже мне пока не показывал.

Опер черкнул что-то в своем блокноте, потом много расспрашивал об их бизнесе. Девушка рассказала. У них в компании всё абсолютно чисто, скрывать ей нечего и незачем. Всё, что не совсем легально, происходит за пределами их компании, к торговле «пеплом» они отношения не имеют.

– Но ведь игроки – клиентская база для торговцев «пеплом»? Возникает логичная мысль – использовать игровые серверы для налаживания контактов с ними.

– Мысль такая возникает, но мы не хотим сесть. Поэтому есть игровые серверы, а есть сайты или каналы торговцев. И они существуют как бы отдельно.

– Как бы?

Настя прикинула, насколько откровенно может говорить. Сказала правду, хотя и не всю:

– На игровых площадках есть форумы для общения игроков. И если кто-то там повесит ссылку на действующий сайт продавцов «пепла», или на их канал в соцсети, эта ссылка какое-то время провисит. Потом этот сайт прикроют, а они повесят новую ссылку.

– И что, наши коллеги из наркоконтроля не успевают закрывать сайты?

– На форумах есть несколько уровней доступа. Один из них – для проверенных членов сообщества. Есть и более закрытые – для подписчиков или друзей. В таком режиме эти ссылки обычно и вешают. Вроде мелочь, но позволяет защититься на какое-то время от внимания ваших коллег. Нет, если бы там продавали что-то более серьезное, они бы нашли способ прикрыть этот канал, но ради «пепла» тратить время – игра не стоит свеч. Тем более, торговцы «пеплом» обычно не связываются с настоящими наркотиками. Им нет смысла. Там и поставки веществ другие, и потребители, и вероятность сесть сильно выше.

Когда эту тему прояснили, Васильев поинтересовался, нет ли у нее любовника или обиженного поклонника. Настя только головой замотала.

– Вы же красивая девушка, – удивился опер.

– Поклонники выются не вокруг красивых, а вокруг доступных. Я не нахожусь в открытом доступе, у меня Глеб.

– Тоже верно. Ладно, пойду я. Спасибо за кофе.

– Когда вы его отпустите?

– Как следователь решит. Если не откроются новые факты, не позже, чем завтра. Сорок восемь часов предварительного задержания истекут, в изолятор сажать Тарского оснований пока нет.

* * *

Рома позвонил. Сказал, что с адвокатом договорился.

– Может, пообедаем вместе? – предложил.

Настя согласилась. Кислицев приехал через полчаса. Вошел. Как всегда, спокойный и уверенный в себе, несмотря на рыхлое тело и невзрачную внешность. Он был настолько далек от женских идеалов, что даже богатство и умение заводить друзей не помогли ему найти постоянную подругу. Всегда, даже на первых курсах, он имел лишний вес, был слабым, ленивым и каким-то пухлым. Глаза блекло-голубые. Лицо круглое, со слабым подбородком. Жидкие волосы цвета линялой мыши. При этом – в дорогом костюме, в белой рубашке с расстегнутым воротом. Галстуки в последние годы он не носил, мешал массивный второй подбородок.

Сели на кухне.

– Суп вчерашний будешь?

– Буду.

Сначала было неловко. Обычно если Рома приезжал к ней домой, Глеб тоже присутствовал. Без него пустота образовалась, и в пространстве, и в разговоре.

Потом разговорились.

– Слушай, как думаешь, мог Глеб грохнуть ту телку?

– Зачем?

– Мало ли. Вдруг у него нервный срыв или еще что.

– Не было у него нервного срыва.

– А что менты говорят? Они и без всяких срывов могут повесить убийство на первого попавшегося.

Пожала плечами.

– Оперативный сотрудник приезжал, вроде нормально пообщались.

– У них работа такая, общаться. Это не показатель. Слушай, а если Глеба надолго закроют, бизнес не пострадает?

– Новых проектов не будет.

– А старые?

– Ну... только если новые серверы надо будет подключать. Все дистрибутивы у Глеба.

– Так надо позаботиться об этом, пока есть возможность. Чтобы бизнес не развалился, если с ним что-то пойдет не так.

Настя задумалась. Ей не нравился этот разговор. Ей было страшно думать, что Глеб может надолго сесть, неважно – виноват он или нет. Ей казалось мерзким думать о том, чтобы на случай его заключения подстелить соломку под бизнес. Нет, с практической точки зрения Рома прав. Надо взять у Глеба все дистрибутивы, хранить копию у себя. Но думать об этом сейчас, когда решается судьба ее мужчины – как-то это гаденько.

– Тебе сейчас кажется, если Глеб сядет – это важно, а бизнес по сравнению с этим – мелочь, неважно, – продолжил Роман. – Но от этой мелочи будет зависеть вся твоя будущая жизнь. И возможность оплатить нормальных адвокатов для Глеба – тоже.

– Я поговорю с ним, – дала расплывчатый ответ Настя.

Когда Роман прощался, он провел пухлой ладонью Насте по спине, и успокоил:

– Не бойся, прорвемся. У тебя в любом случае всё будет хорошо.

Девушка закрыла за ним дверь и задумалась. Прощальный жест Ромы был слишком личным. Более личным, чем это допустимо для женщины друга или даже для женщины-друга.

* * *

Оставшись одна, Настя занялась делами их компании. Текущую работу никто не отменял.

А потом позвонил Глеб:

– Я еду.

Настя засуетилась на кухне, захотелось приготовить что-то вкусное.

6. За кулисами игры

Шел обычный рабочий день. Роман вызвал по «массажеру» Артема. Просто чтобы проконтролировать, всё ли в порядке.

– Как у тебя?

– Старые ссылки еще работают. Всё норм. Запасные на случай отключения готовы.

Кислицев хотел оборвать контакт, но Артем успел спросить:

– Я хотел узнать. Можно баблосики получать не налом, а на счет? А то мне надо как-то показать, за какие деньги я машину покупаю.

– Что, такая дорогая машина?

– Ну, не дешевая. Спорткар. В рассрочку беру.

– Баклан. Чего тебе спокойно не живется? Ты своим спорткаром сразу внимание привлечешь.

– Их и покупают, чтобы внимание привлекать, – заулыбался довольно. – Знаешь, как телки ведутся на такие машины?

– Говорю же, баклан, – вздохнул Роман. – Я юристу своему скажу, он договор подготовит. Будешь оказывать услуги моей фирме. Сексуальные.

Парень хохотнул, поблагодарил и попрощался.

Кислицев, пока не забыл, написал записку юристу. Потом занялся другими хлопотами. Дел у него было много. Роман торговал «пеплом».

* * *

Еще студентом он начал продавать «пепел» однокурсникам. Зарабатывал на этом.

Тогда же познакомился с Глебом. Тот был постоянным покупателем. Начинал он, как обычный игрок, потом стал разрабатывать собственные приложения полного погружения. Товара покупал много, он много времени проводил в погружении, ему приходилось тестировать свои разработки. Делал он это с большим энтузиазмом, прямо глаза горели, когда говорил об очередной интересной фишке, которую написал.

Виртуальные персонажи тогда были корявыми, двигались, как роботы, вкус или тактильные ощущения не передавали. Потому большинство приложений были тупыми стрелялками или ходилками.

Глеб раньше зарубежных фирм научился передавать правдоподобное движение. Тогда все студенты массово рванули на его сервер. Потребность в «пепле» росла, как пожар на складе пиротехники. Роман быстро стал обеспеченным человеком.

Позже Глеб пришел к нему с предложением создать коммерческий сервер.

Кислицев согласился тогда не ради денег. Но ни одно доброе дело не приносило так много дохода, как это. Игровые серверы их совместной компании стали площадкой для торговли «пеплом». Идею это подсказал Артем, и его же, по просьбе Романа, Настя взяла на работу, администрировать пользовательские форумы.

Игроки платили небольшую абонентскую плату в компанию Глеба, но основной поток денег шел от продажи «пепла». И шел он в карман Романа. Он быстро стал крупнейшим дистрибьютером порошка в стране.

Конечно, это потребовало немало труда. Торговля реальным товаром – это не виртуальные услуги в сети. Нужна сеть доставки товара до конечного потребителя. Нужна сеть приема платежей. Нужна защита от внимания полиции и налоговых служб. И от конкурентов-торговцев, которые не отличаются богобоязненностью и гуманизмом.

Прикрытием деятельности Романа стала курьерская фирма, которая доставляла заказы. В непрозрачных конвертах, которые разносили обычные курьеры, лежали марки, на которых клейстер был пропитан «пеплом».

Роман уже твердо стоял на ногах, когда случился прорыв в передаче ощущений. Что-то там с использованием технологии двадцать пятого кадра. Родили эту идею в Калифорнии, но Глеб ее быстро подхватил, использовал и развил. Когда он научился передавать ощущения от секса, спрос на его серверы и «пепел» сделал еще один скачок. Вначале в виртуале происходили непрерывные оргии, потом новизна ушла, развлечения упорядочились, люди разбились по группам и интересам.

С технической точки зрения вершиной услуг серверов Глеба в области секса стала возможность создания реалистичного неигрового персонажа по своему вкусу. Если хорошо постараться, такая кукла почти не отличалась от живого человека. Даже простенький разговор поддерживать могла. А в постели и вовсе нельзя было заметить разницу. По крайней мере, разницу между куклой и проституткой. Рома пробовал оба варианта – и куклу под управлением машинного интеллекта, и на профессионалку внешность любимой куклы надевал. Под управлением машины даже лучше получалось, больше похоже на оригинал.

* * *

Кислицев, он же Кислый, просмотрел отчеты региональных складов. Тут всё выглядело прилично.

Потом позвонил поставщику из Поволжья. У того была большая ферма, он обеспечивал порошком весь регион.

«Грязным» порошком. «Чистый» производил только один фермер, Химик. Из-за этого с логистикой «чистого» продукта были большие проблемы. В небольшие города его было сейчас доставлять просто нерентабельно. Так что игроки из регионов имели выбор – либо регулярно приезжать и закупаться в Москве или Питере, либо пользоваться «грязным», от которого постепенно развивалась аллергия. Активным потребителям «грязного», или «свинины», как его часто называли, приходилось постоянно сидеть на антиаллергических таблетках, но даже так их можно было узнать по сопливому носу и покрасневшим глазам. Впрочем, «грязный» был вдвое дешевле, так что и в столицах многие предпочитали пользоваться им.

Потом позвонил Бухгалтер. Обсудили проблемы, которые возникают из-за роста финансовых потоков.

Затем еще с кем-то перетер рабочие вопросы.

Торговец «пеплом» занимался своим обычным делом. Он мог бы работать успешным дистрибьютором стиральных машин или овсяных хлопьев. Но за «пепел» платили больше. А главное – этот рынок был недоступен для крупных корпораций с армиями офисного планктона и раздутыми рекламными бюджетами, находился в фазе взрывного роста и не требовал больших начальных капиталовложений. Поэтому он торговал «пеплом», поэтому обычный студент смог за несколько лет стать крупным торговцем. А благодаря знакомству с Глебом он стал не просто крупным, а крупнейшим в стране.

* * *

Роман набрал Химика. Говорил он по кнопчному мобильному с левой сим-картой.

После обычных приветствий перешел к делу:

– Спрос на твой товар растет. Ты можешь увеличить производство?

– Намного?

– Процент на десять в месяц.

– Не знаю. Всё сложно.

– Слушай, если ты сам не можешь, тогда, может, продашь свою технологию очистки? У меня есть надежный фермер, делающий большой объем, давно с ним работаю. Хочешь – обсудим, какой процент тебе отчислять за использование ноу-хау.

– Нет. Технология не продается.

– Послушай, так нельзя. Спрос в других городах растет. У меня логистика в регионах страдает из-за того, что всё производство твоего товара в одном месте.

– Другие города, говоришь? – в голосе Химика неожиданно послышался интерес.

– Ну! Давай для Москвы и Питера ты будешь производить, а для Поволжья и Сибири другой фермер. В идеале надо в каждой области начать производство.

– Нет. Технология не продается. И никогда не будет продаваться. А увеличение производства я тебе обеспечу.

– Химик, да послушай!

– Нет! – надавил голосом. – И не вздумай пытаться выведать мои секреты. Грохну без разговоров.

Отключился.

– Козлина!! – бросил трубку на стол. Та ударилась о стопку бумаг и упала на пол.

И ничего ведь не сделаешь. В производстве «чистого» он в стране монополист. К тому же Рома его реально боялся, этот действительно может грохнуть. Другие фермеры – нормальные люди, с ними спокойно общались, а у этого – холодные глаза. И люди в его охране такие же.

7. Дом, милый дом

Глеб подошел к подъезду. На секунду задержался, перед тем как потянуть за ручку двери. В груди, где-то в глубине души, шевельнулся страх. Вдруг он откроет дверь, а там...

«Так дело не пойдет! Не хватало еще подцепить боязнь подъездов».

Парень подавил страх и открыл дверь.

Внутри было пусто. Никаких следов преступления не осталось. Бетонный пол чисто вымыт. В воздухе – легкий запах моющих средств.

Пока ждал лифт, открылась дверь подъезда. Настороженно обернулся. Оказалось – там девушка-подросток с собакой входит. За ней сразу – мужчина, его лицо кажется знакомым, вроде живет он тут. Стало спокойнее. Наверное, страх еще не раз вернется, но Глеб умел быть сильнее страха. Это не так уж сложно – просто нужно держать его чуть в стороне от себя.

* * *

Настина квартира встретила запахом плова. Глеб его обожал, а Настя отлично умела готовить, однокурсница из Казахстана когда-то научила.

Девушка выскочила в коридор, повисла на шее, прижалась плотно. Ее волосы пахли травами, а грудь мягко давила через куртку. Под руку попало нижнее полушарие подруги, в меру податливое, в меру упругое, теплое, и размер у него очень подходящий. Отличное полушарие. И второе не хуже.

Целовались неторопливо, долго, сладко.

– Поешь сначала, – отстранилась Настя. – Иначе пойдешь в постель голодным, и не снимая ботинок, – ее голос уже чуть охрип от желания.

– Сначала душ.

– Выглядишь усталым.

– Ты тоже.

– Почти не спала ночью.

– Я тоже.

* * *

– Вина красного плеснуть? – встретила Настя парня на кухне после душа.

– Давай.

Налила темно-красную, почти черную, жидкость в пузатые бокалы.

Пока ели и отхлебывали мелкие глотки вина, Глеб рассказал, что с ним происходило за время отсутствия.

– Они не повесят на тебя убийство? – забеспокоилась девушка.

– Опер выглядит вполне адекватным, – Глеб пожал плечами. – Хотя следовательница та еще стерва.

– Я Роману звонила, он адвоката прислать обещал.

– Прислал. Правда, толку от того адвоката... Во-первых, он приехал, когда допросы уже закончились, во-вторых, все его советы свелись к тому, что надо ждать, пока всё само рассосется.

– А что еще делать?

– Не знаю. Но ждать, пока само образуется, – не лучший вариант, я считаю.

– Слушай, – Настя замялась. – Роман интересовался, не повлияет ли на наш бизнес, если с тобой что-то случится. Все дистрибутивы у тебя.

Парень задумался. Его такая мелкая меркантильность партнера смущала. Но с практической точки зрения его можно понять. Хотя вот странно это. Раньше Рома вообще делами компании не интересовался, даже распределение дивидендов подписывал не глядя. А тут вдруг вспомнил.

– Вообще, надо передать тебе копии файлов, тут он прав. Но если я дам тебе доступ прямо сейчас, ты не сможешь в них разобраться. Нужно порядок навести, выбрать актуальные версии, комментарии более подробные составить.

Глеб запихнул в рот очередную порцию плова, прожевал, отхлебнул маленький глоток вина.

– Потом, дистрибутивы – это важно, но кроме них есть еще и исходные коды, без которых нельзя внести никакие изменения, даже самые мелкие. А в них ты точно разобраться не сможешь. Привлекать разработчика со стороны страшно. В общем, с этим всё сложно, надо думать.

* * *

Сразу после ужина парочка завалилась в постель.

Соскучились друг по другу.

Их тела сплелись под уютным одеялом. Девушка прижималась и терлась всем телом о парня в поисках любви и ласки. Его руки шарили по ее спине и ягодицам. Влажные губы сливались в поцелуях.

От жадных ласк они быстро потеряли терпение. Глеб вошел в Настю, несколько страстных минут, – и любовники сбросили напряжение. Они обнялись и заснули, несмотря на раннее время.

* * *

Глеб проснулся среди ночи.

Впервые после убийства у него была ясная голова. Шок прошел, последствия недосыпания тоже.

Темно. Тихо. Рядом мирно сопит Настя. Теплая, мягкая, сонная. Ее волосы приятно пахнут.

Будить ее не хотелось. Вставать смысла вроде нет – ночь, нечем заняться. Дома поработал бы, а тут, у Насти, неудобно. И спать не хочется, выспался.

В голову полезли воспоминания и мысли.

Убийство. Лицо умирающей девушки. Приезд полиции. Допрос у следовательницы.

Как там ее, Цветкова Ирина Федоровна? Жесткая она тетка. Может она повесит на него убийство, если не найдет более подходящего кандидата? Кто ее знает. По первому впечатлению – может.

Хотя опер говорил, что она профессионал и проверит все версии. Но опер и соврать способен. Вряд ли он мог остаться кристально честным человеком, постоянно работая с преступниками. Это ведь так легко – оправдать нечестность по отношению к преступнику. Преступник – плохой, его обмануть можно и полезно, это даже не обман, а военная хитрость. Постепенно граница дозволенной нечестности сдвинется с преступников на подозреваемых, а то и дальше. Люди легко находят оправдания для себя.

Адвокат убеждал, что всё будет хорошо. А Глеб не уверен. Если не найдут убийцу, он очевидный кандидат для суда. Как на суде обернется – неизвестно. Это только в теории суд принимает правильные решения, а на практике – и подкупить могут, и подкинуть доказательства, и что решат присяжные, непонятно. Его там представят исчадием ада: наркоманом, игроком и психически ненормальным. Кто из присяжных станет верить такому?

Нет, спокойно спать можно будет только когда найдут настоящего убийцу.

Что там опер говорил? Что отработает тему Глеба, потом займется окружением жертвы. Но если жертва проститутка, они ее окружение будут копать до морковкина заговенья, как говорили раньше. Там столько всего найдется... Главное – какой смысл? Версия ссоры с сутенером в картину убийства не вписывается, Глеб в этом уверен. Он видел – это не просто убийство, оно было сделано в нужный момент, нужным способом. Значит, хорошо подготовленное.

Если убийца достаточно умен, чтобы не оставить следов на месте преступления, он и жертву подобрал так, чтобы не засветиться. Так что по линии жертвы полиция вряд ли что-то найдет.

Что Глеб может сделать, чтобы снять с себя обвинения?

«Для начала неплохо бы доказать полиции, что убийца вообще существует».

«Авторегистраторы на машинах у подъезда».

У Глеба регистратор стоял, но машина в момент убийства была припаркована неудобно. На обочине дворовой дорожки, за несколько машин от входа в подъезд.

«Всё равно надо проверить».

Теперь, когда появилась практическая задача, Глебу уже не лежалось спокойно, ему не терпелось проверить видео. Он осторожно выполз из-под руки Насти и соскользнул с кровати. На цыпочках вышел в прихожую, уже там тихо оделся.

* * *

Стараясь не грохнуть дверью, вышел в подъезд.

Опять накатил страх.

«Вот как раз сейчас, среди ночи, меня тут точно никто не ждет. Так что сейчас тут безопасно», – успокоил себя. Постепенно страх уйдет. Будет ослабляться с каждым днем, и уйдет. Но не сразу.

На площадке этажа было пусто и тихо.

И внизу, на первом этаже, – тоже.

Тишина. Даже компания старшекласников, частенько сидящая по ночам с пивом и подружками на лестнице, разошлась спать.

Во дворе – никого, мерзкий мелкий дождик моросит. Кое-где в домах светятся окна, самые поздние полуночники еще не спят.

Глеб открыл свою машину, просмотрел на экране регистратора запись с вечера убийства.

Вот он подъехал и припарковался, чуть не доезжая до подъезда. Вот он идет, скрывается за машиной, стоящей впереди. Вот ненадолго опять показывается, когда поворачивает к подъезду. Входит.

А вот открывается дверь и выходит убийца. Лица не видно, он успел натянуть капюшон. Почти сразу его фигура скрывается за кузовом впереди стоящей машины и больше не появляется.

«Ничего не видно», – разочаровался Глеб.

«Хотя... Видно, что он был, что это не мои фантазии. Это раз. Можно определить его рост. Это два. Раз он не прошел мимо моей машины, значит, пошел налево от подъезда. Это три».

Парень сбросил запись с регистратора себе на флешку.

В машине сидеть было удобно. Вокруг покой и тишина. Торопиться некуда. Холодно только, при выключенном двигателе.

Глеб задумался. Во дворе стоит много машин. Все они, или почти все – жильцов этого дома. Раз они стоят здесь ночью, значит и в вечер убийства, скорее всего, тоже стояли. И скорее всего – почти на тех же местах. У многих есть регистраторы. У многих они не работают на стоянке, или карты памяти маленькие и вчерашняя запись уже потеряна, но не у всех. У кого-то данные отсылаются в облачное хранилище, там недели две лежат. У кого-то – большая карта памяти или установлено низкое разрешение видео, экономящее место на ней. Значит, если просмотреть записи с машин, которые припаркованы слева от Настиного подъезда, можно или поймать кадр, где видно лицо убийцы, или увидеть, где он сел в машину.

Как получить записи? Пока непонятно.

Есть общий принцип: слона нужно есть по частям. Для начала можно просто переписать номера машин. Остальные проблемы он будет решать по мере необходимости.

Глеб достал из бардачка блокнот и ручку и прошелся по двору. Не поленился нарисовать схему, где обозначил места стоянок, номера машин и даже направление, куда они стоят передком. Кроме автомобилей, припаркованных на подъездной дорожке, его заинтересовали и те, что стояли на площадке напротив подъезда. Из них хорошо просматривался вход, конечно если машина стояла к нему мордой.

Теперь нужно было придумать способ, как найти контакты автовладельцев...

* * *

Глеб тихо вернулся в квартиру. Устроился на кухне, захватив с собой запасной ноутбук Насти.

Довольно быстро выяснил, что в базе данных ГИБДД имеются не только имена владельцев машин, но и их телефоны. А вот дальше поиск забуксовал. Оказалось, те сайты и каналы, где предлагается за небольшие деньги купить информацию об автовладельцах, довольно законопослушны, фамилии и телефоны владельцев не предоставляют.

Глеб потратил кучу времени, копаясь в рекламных предложениях таких сайтов, и всё без толку. Устал только.

Раздраженно закрыл очередное окно браузера. Потер глаза. Нужно было отвлечься и искать другой путь.

Встал, поставил себе вариться кофе.

Когда он искал, ему попадались сообщения об утечках данных из нужной ему базы. И он даже готов был бы заплатить за такую утекшую базу несколько тысяч американских рублей. Чего не сделаешь, когда тебе угрожает тюрьма. Но часть таких утечек явно устарели, года за три половина машин меняет хозяина. А где купить актуальные данные, он так и не нашел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.